
И.И. Дмитриев

Взгляд на мою жизнь

<...> Мы застали хозяина и хозяйку в авторском кабинете; в колпаке и в атласном голубом халате, он что-то писал на высоком налое, а она, в утреннем белом платье, сидела в креслах посреди комнаты, и парикмахер завивал ей волосы. Добросердечный вид и приветливость обоих с первых слов ободрили меня. Поговоря несколько минут о словесности, о войне и пр., я хотел, соблюдая приличие, откланяться; но они оба стали унимать меня к обеду. После кофия я опять поднялся и еще упрощен был до чая. Таким образом, с первого посещения я просидел у них весь день, а через две недели сделался уже коротким знакомцем в доме. И с того времени редко проходил день, чтоб я не виделся с этою любезной незабвенной четюю.

Державину минуло тогда пятьдесят лет. Он был еще действительным статским советником и кавалером ордена св. Владимира третьей степени. Года за два пред тем он отрешен был от должности губернатора Тамбовской губернии, по случаю несогласия, происшедшего между им и генерал-губернатором или наместником графом Гудовичем. Взаимные их жалобы отданы были на рассмотрение Сената. Державин был оправдан. Любопытная столица с нетерпением ожидала от премудрой *Фелицы* решения судьбы любимого поэта.

Между тем князь Потемкин-Таврический, отправляясь в армию, приготавлился несколько месяцев к великолепному угощению императрицы. Это было уже по взятии Очакова. Державину поручено было от князя заблаговременно сочинить, по сообщенной ему программе, описание праздника. Почти в моих глазах она была продолжаема и окончена. Праздник изумил всю столицу; описание было напечатано, но не полюбили, как слышно было, Потемкину; вероятно, за поэтическую характеристику хозяина, довольно верную, но не у места шутливую.

С первых дней нашего знакомства я уже пробежал толстую рукопись всех собранных его стихотворений, известных мне и неизвестных. Сверх того показаны мне и те, которые, по хлопотам службы, долгое время лежали у него неоконченными. Главнейшие из них были «Водопад», «Видение Мурзы», ода «На коварство», «Прогулка в Сарском Селе». Последние стихи, равно как и «Видение Мурзы», дописал он уже при появлении «Московского журнала»; «Водопад» гораздо после, когда получено было известие о кончине князя Потемкина; оду же «На коварство» еще позднее. Немногим известно, что и «Вельможа» напечатан был в числе од, написанных при *горе Читалагае*, о коих я упоминал выше; но любители словесности познакомились с нею уже при втором появлении, когда поэт прибавил к этой оде несколько строф, столь изобильных сатирическою солью и яркими картинами.

Возобновление ее последовало по кончине князя Потемкина при генерал-прокуроре Самойлове. Общество находило в ней много намеков на счет того и другого. Тогда поэт был уже сенатором.

Державин при всем своем гении с великим трудом поправлял свои стихи. Он снисходительно выслушивал советы и замечания, охотно принимался за переделку стиха, но редко имел в том удачу. Везде и непрестанно внимание его было обращено к поэзии. Часто я заставлял его стоявшим неподвижно против окна и устремившим глаза свои к нему. «Что вы думаете?» — однажды спросил я. «Любуюсь вечерними облаками», — отвечал он. И чрез некоторое время после того вышли стихи «К дому, любящему учение» (к семейству графа А.С. Строганова), в которых он впервые назвал облака *краезлатыми*. В другой раз заметил я, что он за обедом смотрит на разварную щуку и что-то шепчет;

спрашиваю тому причину. «А вот я думаю, – сказал он, – что если бы случилось мне приглашать в стихах кого-нибудь к обеду, то при исчислении блюд, какими хозяин намерен потчевать, можно бы сказать, что будет *и щука с голубым пером*. И мы чрез год или два услышали этот стих в его послании к князю Александру Андреевичу Безбородке. Голова его была хранилищем запаса сравнений, уподоблений, сентенций и картин для будущих его поэтических произведений. Он охотник был до чтения, но читал без разборчивости. Говорил отрывисто и некрасно. Кажется, будто заботился только о том, чтоб высказать скорее. Часто посреди гостей, особенно же у себя, задумывался и склонялся к дремоте; но я всегда подозревал, что он притворяется, чтоб не мешали ему заниматься чем-нибудь *своим*, важнейшим обыкновенных, пустых разговоров. Но тот же самый человек говорил долго, резко и с жаром, когда пересказывал о каком-либо споре по важному делу в Сенате или о дворских интригах, и просиживал до полуночи за бумагой, когда писал *голос*, заключение или проект какого-нибудь государственного постановления. Державин как поэт и государственная особа имел только в предмете нравственность, любовь к правде, честь и потомство <...>

Катерина Яковлевна, первая супруга Державина, дочь кормилицы императора Павла и португальца Бастидона, камердинера Петра Третьего, с пригожеством лица соединяла образованный ум и прекрасные качества души, так сказать, любивой и возвышенной. Она пленялась всем изящным и не могла скрывать отвращения своего от всего низкого. Каждое движение души обнаруживалось на миловидном лице ее. По горячей любви своей к супругу она с живейшим участием принимала к сердцу все, что ни относилось до его благосостояния. Авторская слава его, успехи, неудовольствия по службе были будто ее собственные. Однажды она провела со мной около часа один на один. Кто же поверит мне, что я во все это время только что слушал, и о чем же? Она рассказывала мне о разных неудовольствиях, претерпенных мужем ее в бытность его губернатором в Тамбовской губернии; говоря же о том, не однажды отирала слезы на глазах своих.

Воспитание ее было самое обыкновенное, какое получали тогда в частных учебных заведениях; но она по выходе в замужество пристрастилась к лучшим сочинениям французской словесности. В обществе друзей своего супруга она приобрела верный вкус и здоровое суждение о красотах и недостатках сочинения. От них же, а более от Н.А. Львова и А.И. Оленина получила основательные сведения в музыке и архитектуре.

В пример доброго ее сердца расскажу еще один случай. Жена, муж и я сидели в его кабинете; они между собою говорили о домашних делах, о старине, дошли, наконец, до Казани, отчизны поэта. Катерина Яковлевна вспомнила покойную свекровь свою, начала хвалить ее добрые качества, ее к ним горячность; наконец, стала тужить, для чего они откладывали свидание с нею, когда она в последнем письме своем так убедительно просила их приехать навсегда с нею проститься. Поэт вздохнул и сказал жене: «Я все откладывал в ожидании места (губернаторского), думал, что, уже получа его, испрошить отпуск и съездить в Казань». При этом слове оба стали обвинять себя в честолюбии, хвалить покойницу, и оба заплакали. Я с умилением смотрел на эту добросердечную чету. Молодая супруга, пятидесятилетний супруг оплакивают — одна свекровь, другой мать свою — и чрез несколько лет по ее смерти!

Державин любил вспоминать свою молодость. Вот что я от него самого слышал. Отец его — помещик Уфимской провинции, составлявшей тогда часть Казанской губернии. Сам же он, обучаясь в казанской гимназии, обратил на себя внимание директора ее Михаила Ивановича Веревкина успехами в рисовании и черчении планов, особенно же работы его портретом императрицы Елисаветы, снятым простым пером с гравированного эстампа. Портрет представлен был главному куратору Московского университета Ивану Ивановичу Шувалову. Державин был взят в Петербург вместе с другими отличными учениками и записан по именному указу гвардии в Преображенский полк рядовым солдатом. Отец его, хотя был не из бедных дворян, но, по тогдашнему обыкновению,

при отпуске сына не слишком наделил его деньгами, почему он и принужден был пойти на хлебы к семейному солдату: это значило иметь с хозяином общий обед и ужин за условленную цену и жить с ним в одной светлице, разделенной перегородкою. Человек умный и добрый всегда поладит с выпавшим жребием на его долю: солдатские жены, видя его часто с пером или за книгою, возымили к нему особенное уважение и стали поручать ему писать грамотки к отсутствующим родным своим. Он служил им несколько месяцев бескорыстно пером своим; но потом сделал им предложение, чтоб они, за его им услуги, уговорили мужей своих отправлять в очередь его ротную службу: стоять за него на ротном дворе в карауле, ходить за провиантом, разгребать снег около съезжей или сыпать песком учебную площадку. И жены и мужья на то согласились.

К числу примечательных случаев в солдатской жизни Державина поспешим прибавить, что автор *оды к Фелице* стоял на часах в Петергофском дворце в ту самую минуту, когда Екатерина отправилась в Петербург для совершения отважного дела: получить верховную власть или погибнуть.

В то же время начал он и стихотворствовать. Кто бы мог ожидать, какой был первый опыт творца «Водопада»? Переложение в стихи, или, лучше сказать, на рифмы, площадных прибасок на счет каждого гвардейского полка! Потом обратился он уже к высшему рифмованию и переложил в стихи несколько начальных страниц «Телемака» с русского перевода; когда же узнал правила поэзии, принял в образец Ломоносова. Между тем читал в оригинале Геллерта и Гагедорна. Кроме немецкого, он не знал других иностранных языков. Древние классические поэты, итальянская и французская словесность известны ему стали в последующие годы по одним только немецким и русским переводам.